

В самом начале *Жития*⁹ Аввакум пишет о своей любви к родному языку, о том, что он не привык выражаться философски (т. е. литературно), что поэтому он и называет свой стиль «просторечьем». О своей любви к живому, современному болгарскому языку неоднократно говорит и Софроний. Его литературно-просветительская деятельность — самое яркое проявление этой любви. Именно это и дает ему повод сообщить, что когда он прибыл во Враце на место епископа и стал «да сказва поучение» (говорить церковную проповедь) на обыкновенном болгарском языке, прихожане, никогда раньше не слышавшие такой понятной для них проповеди (в то время болгарскими владыками были, как правило, греки, и Софроний являлся исключением, так как в мятежную тогда врачанскую епархию ни один грек не пожелал идти), «имали го за едного философа» (стр. 138).¹⁰

Близость обоих житий к разговорной народной речи несомненно является выражением демократических убеждений их авторов. Эта черта их мировоззрения и творчества в значительной степени обусловила и популярность их произведений, а особенно житий, даже в наши дни.

Уже первыми своими строками обе автобиографии похожи одна на другую. Почти в одних и тех же словах Аввакум и Софроний описывают родные места и среду, в которой они выросли.

Аввакум: «Рождение же мое в нижегородских пределах за Кудмою рекою, в селе Григорове. Отец ми бысть священник Петр, мати — Мария, инока Марфа. Отец же мой прилежаще пития хмельнова... Потом мати моя овдовела, а я осиротел молод» (стр. 59).

Софроний: «Аз грешный в человецех, родих ся в село Котил от отца Владислава, а от мати Мария. И като съм бил три лета преставила са мати моя и отец мой поял другую жену» (стр. 118).

Софронию была чужда религиозная проповедь Аввакума, поэтому введение (приступ), насыщенное туманной философской риторикой и религиозной фразеологией, направленной к восхвалению православия, а точнее старообрядчества, не оказало на него воздействия, и *Житие Софрония* прямо начинается с описания конкретных фактов его жизни.

Оставшихся сиротами без родительской ласки и заботы Аввакума и Софрония рано женили: им не исполнилось и по 20 лет. «Изволила меня мати женит» (стр. 59), — сообщает Аввакум, а Софроний пишет: «Понудиша мя роднини мои да мя оженят, почто не имаше кой да мя гледа» (стр. 121).

В то время как сообщение Аввакума о женитьбе прочно связано со всем его автобиографическим рассказом, так как супруга Настасья Марковна была верным спутником, помощником и вдохновителем в его жизни, сообщение Софрония как-то оторвано от основного содержания *Жития*, в котором он упоминает о своей жене только два раза: первый — что была она «мало горделива», с трудом переносила бедность в первые годы жизни супружеской, в другой раз — когда она умерла. Эпизодический характер образа попадьи в *Житии Софрония* заставляет нас предполагать, что Софроний остановился на этом, не имеющем в конечном счете значения в его общественно-культурной деятельности моменте, имея перед собой какой-то образец. Вероятнее всего таким образцом и было *Житие Аввакума*.

Аввакум и Софроний, вступившие в жизнь совсем молодыми и неопытными, терпят всяческие притеснения от своих близких. «От своих соплеменников во изгнании быхом», — со скорбью пишет Аввакум. А когда Софроний по делам находился в Царьграде, родственники «разграбиша

⁹ Текст *Жития* дается по изданию: *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения*. М., 1959, стр. 53—122.

¹⁰ Софроний Врачанский, стр. 118—155.